

Т. Л. Миронова

КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КНИГОПИСАНИЯ
КОНЦА XI ВЕКА*

О следах влияния древнечешской литературы на древнерусскую письменность заговорили давно, еще когда А. Х. Востоков открыл русское житие св. Вячеславу, а в 1909 г. Н. К. Никольский обнаружил в русских списках другой, более пространный вариант жития чешского князя¹, И. И. Срезневский же сообщил о древнем каноне в честь князя Вячеслава, найденном в древнерусской служебной Минее 1095 г.² Этот канон, как доказал А. И. Рогов, «не мог быть составлен на Руси, а был написан значительно ранее и за ее пределами», т. е. в Чехии, так как «в Болгарии и Сербии, не говоря о Византии, Вячеслав никогда не почитался»³. Следы бытования житий Вячеслава разных редакций, дошедших до нас в поздних списках XV–XVI в., исследователи находят в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе» и в Несторовом «Чтении» о св. князьях-мучениках⁴. Н. Н. Розов считал возможным, что митрополит Иларион Киевский «знал и творчески использовал в своих произведениях легенду о князе Вячеславе»⁵. На ряд параллелей в житиях Вячеслава и преп. Феодосия Печерского обратили внимание Д. Чижевский⁶ и О. Кралик⁷. Как факт литературного влияния чешских текстов на древнерусские А. И. Рогов приводит реминисценции чешского жития Вячеслава в «Повести об ослеплении Василька Теребовльского», которая, кстати, написана после 1097 г., но до 1116 г.⁸ Но доказывая наличие литературной преемственности, исследователи всякий раз задавались закономерным вопросом о пути проникновения на Русь древнечешских литературных памятников — прямом или «окольном». Сторонники версии о южнославянском посредничестве в прибытии чешских текстов на Русь, например, Н. Серебрянский⁹, ссылаются на то, что древнерусские списки этих памятников, как поздние — XV–XVI в., так и ранние — XI в., не сохранили никаких языковых черт, свидетельствующих об их западнославянском

* Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 1 (11). С. 48–55.

¹ Никольский Н. К. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909.

² Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского // ИОРЯС. СПб., 1856. Т. V. Вып. 3.

³ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 20.

⁴ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

⁵ Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода // ТОДРА. Л., 1968. Т. XXIII. С. 85.

⁶ Čiževský D. Anklänge an die Gumpolds — Legende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der Originatität der Slavischen mittelalterlichen Werken // Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien, 1950. Bd. I.

⁷ Кралик О. «Повесть временных лет» и легенды Кристиана // ТОДРА. М.; Л., 1963. Т. XIX.

⁸ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 30.

⁹ Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. М., 1915.

происхождении. И этому факту исследователями, признающими наличие прямых чешско-русских литературных контактов, начиная с Н. К. Никольского¹⁰, до сих пор не найдено сколько-нибудь аргументированных возражений. Между тем аргументацию, объясняющую отсутствие западнославянских графико-орфографических и языковых черт в уже древнейших древнерусских списках чешских памятников, следует искать в особенностях формирования графико-орфографических систем в древнерусской книжности последней четверти XI в.

Рассмотрим графико-орфографические особенности Службных Миней за сентябрь 1095 г. и за октябрь 1096 г. Рукописи двух Миней, созданные писцом Домкой в течение двух лет¹¹, написаны в отношении орфографии различно.

1) Буквы редуцированных в слабой позиции сохраняются в обеих Минеях во всех написаниях, за исключением ряда корневых морфем. Сент. Минея: **ЗЪЛАГО** (Л. 11), **ЗЪЛОУСТЬИЪЗНА** (Л. 15), **ЗЪЛЪИН** (Л. 17 об.), **ЗЛОУ** (Л. 18 об.), **ЗЛОБЪРНА** (Л. 23), **ЗЛОСЪРАДНЕ** (Л. 4 об.); Окт. Минея: **ЗЪЛЪИНА** (Л. 21 об.), **ПОЗЪЛАЛИ** (Л. 34), **КЪТО** (Л. 12), **КНАЗЪА** (Л. 15 об.), **БЕ** (Л. 16 об.), **БЪШЬ** (Л. 81 об.), **ЗЛОБОУ** (Л. 92 об.).

Сочетание редуцированного с плавным в Сент. Минее не имеет старославянских написаний. В Окт. Минее старославянских написаний всего 13. В Сент. и Окт. Минеях численно преобладает орфография редуцированного с плавным, отражающая в графике явление «второго полногласия». Сент. Минея: **СТЪЛЪПЪ** (Л. 9), **ПЪРЪЪЗНА** (Л. 10 об.), **ДЪРЪЗОСТЬЮ** (Л. 11), **КЪРЪМНИ** (Л. 12 об.), **ТЪРЪПА** (Л. 12 об.), Окт. Минея: **ШЪРЪТЪЦИ** (Л. 2 об.), **ТЪРЪЖЪСТВО** (Л. 3), **СЪБЪРЪШНАЪ** (Л. 3).

2) Употребление букв носовых гласных имеет в Сент. и Окт. Минеях общие черты. Так, в текстах обеих Миней используется лишь графема **ѧ**. Графемы **ѧ**, **ѧ** отсутствуют, **ѧ** встретилось всего несколько раз: Сент. Минея — **ѧ** (Л. 25), **ЗЪЪЗДЪ** (Л. 93), Окт. Минея — **спѧ** (Л. 2 об.), **БЪНЪ** (Л. 89 об.), **ѧМАНЪНАЪ** (Л. 36). Однако закономерности употребления буквы **ѧ** в данных памятниках различны. Особенностью графико-орфографической системы Сент. Миней является вытеснение практически всех написаний с **ѧ** буквой **ѧ**: **ПРЪНАТЪ** (Л. 78 об.), **МОРЪСКЪНА** (Л. 88), **ѧЗЪЦИ** (Л. 91); **ПРОЪАВЕ** (Л. 10 об.), **ВИДАЩЕ** (Л. 10), **СА** (Л. 14), **ТА** (Л. 57 об.). В Окт. Минее обнаруживается распределение орфографических функций между **ѧ** и **ѧ** в результате переосмысления фонетических значений графемы **ѧ**. После букв гласных и в начале слова функционирует **ѧ**: **ПОЪТЪ** (Л. 100 об.), **ѧЖЕ** (мн. вин.) (Л. 74), после букв согласных употребляется **ѧ**: **ПРЪДЕЛАЮЩА** (Л. 24), **ЗЪМЛА** (ед. им.) (Л. 76).

3) Рассматриваемые здесь памятники существенно различаются в использовании йотированных букв гласных и прежде всего **ѧ**. В Сент. Минее буквы **ѧ**, **ѧ** употребляются как дубликаты в начале слова, после гласных и после согласных — **ѧДИНЪ** (Л. 55 об.), **РАЗЪРАЕТЪ** (Л. 62 об.), **ПРОСЛАВЪАНЪМЪ** (Л. 103), **НЪТЬ** (Л. 122); **СЛОБЪСК** (Л. 64), **НЪМОУ** (Л. 49 об.), **НЪМЪ** (Л. 44 об.). В Окт. Минее графема **ѧ** употребляется в начале слова и после букв гласных звуков: **БЪСПЪТЪНОН** (Л. 68 об.), **НЪТЬ** (Л. 70), **СЕЛЕНЪК** (Л. 122 об.); графема **ѧ** использована после букв согласных звуков — **БЪЛЪЮ** (Л. 75 об.), **НЪБОЛЕЪЗЪНЪ** (Л. 76 об.), **БЪШЪМЪНЪЗЪИ** (Л. 90 об.).

Так, тексты двух Миней 1095 и 1096 г. за сентябрь и октябрь отражают разные графико-орфографические системы, каждая из которых не имеет опоры в старославянском протографе. Обе части Архангельского Евангелия 1092 г. также представляют две разные графико-орфографические системы без явных реликтов старославянских протографов, но все эти четыре варианта древнерусской графики и орфографии по ряду важнейших параметров не совпадают между собой.

¹⁰ Никольский Н. К. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9.

¹¹ Янич В. И. Службные Миней за сентябрь, октябрь, ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

Анализ Архангельского Евангелия 1092 г. и Служебных Миней 1095—96 г. — текстов с чешскими интерполяциями — показывает отсутствие каких-либо графико-орфографических черт, которые можно было бы расценивать как результат влияния чешского (старославянского) оригинала. И Архангельское Евангелие 2-го писца, и Сент. Минея 1095 г., где имеются текстологические свидетельства чешских протографов, не донесли до нас ни одного сколько-нибудь достоверного графико-орфографического признака, в котором можно было бы предполагать западнославянское происхождение. В то же время текст 1-го писца Архангельского Евангелия (который, как установлено, восходит к болгарским оригиналам) и текст 2-го писца того же памятника (и прежде всего месяцеслова чешского происхождения) представляют графико-орфографические системы, не соотносимые со старославянским оригиналом. Независимость от графики и орфографии старославянских источников демонстрируют и другие тексты.

В Софийской Минее № 188, которую обычно датируют началом XII в.¹², как и в Минеях новгородских, имеется служба св. Вячеславу Чешскому, состав служб в этом кодексе на сентябрь и октябрь полностью совпадает с месяцесловом Архангельского Евангелия, и графико-орфографическая система, в которой написан текст данного памятника, по выделенным нами параметрам также не имеет отчетливо выраженных признаков чешского происхождения и старославянского оригинала¹³.

Независимость своих графико-орфографических систем от старославянского оригинала демонстрирует Синайско-Бычковская Псалтирь — текст, переписанный двумя основными писцами (идентичность Бычковской и Синайской частей Псалтири, одна из которых хранится в РНБ, а другая в монастыре св. Екатерины на Синае, установлена Лантом¹⁴). Заметим, что И. И. Срезневский отмечал близость графики Бычковской Псалтири к почерку Служебной Окт. Миней 1096 г.¹⁵ Тексты Синайско-Бычковской Псалтири, написанные разными писцами, созданы в индивидуальных графико-орфографических системах, каждая из которых не повторяет старославянских прототипов.

У 1-го и 2-го писцов буквы редуцированных употреблены этимологически правильно и сохранены везде, кроме корневых написаний: **ѡНОГА** (Л. 2 об.), **ѡНОЮ** (Л. 6 об.), **КНАЗЪ** (Л. 8 об. (СПс)), **КНАЗИ** (Л. 8 (БПс)). Написания редуцированного с плавным в текстах 1-го и 2-го писцов численно преобладают в древнерусской форме *tort*: **ТЪРДЪ** (Л. 2 (БПс)), **СЪМЪРТЪНЪІА** (Л. 6 (БПс)), **ТЪРПЪХЪ** (Л. 8 (БПс)), изредка сохраняются старославянские формы — **ИСПЪЗНИ** (Л. 3 (БПс)).

Одновременно у обоих писцов наблюдаются два характерных орфографических явления: а) написания **ѣ** вместо **ѣ** — **ИСКѢУШЪНІА** (Л. 85) (всего 7 примеров), а также частые написания **ѣ** вместо **ѣ** — **БѢИЗЪЛѢ** (Л. 37 об.), **КОТО** (Л. 41 об.), **КОПАТЬ** (Л. 30), **ОТО РОКА** (Л. 18 об.), **ЗАВЪХѢ** (Л. 90), **БЛѢ** (Л. 98), в 11 случаях эти описки исправлены самим писцом. У 2-го писца наблюдаем и пример написания **ѣ** вместо **ѣ** — **АКЪ** (Л. 79). Обратим внимание, что это орфографическое явление из примеров того же рода, что и написания **ѣ** вместо **ѣ** в Сент. и Ноябрь. Минеях, исправления же, вносимые писцами, свидетельствуют, на наш взгляд, не об ошибке писца, неправильно прочитавшего и записавшего слово, а об ошибке писца, неправильно услышавшего продиктованное слово, записавшего его и в связи с уточнением смысла исправившего. б) По той же причине, по нашему мнению, графико-орфографической особенностью Псалтири являются написания **ѣ** на месте **ѣ** — **БЪРЕНЬ** (Л. 127 об.), **ѣДРЪ** (Л. 122 об.), которые теми же писцами исправлены: **ѣ** заменено на **ѣ**.

Из букв носовых 1-й писец использует только графему **Ѧ** для обозначения звуков [ja]/[a], какого бы происхождения они ни были, в том числе и из [*jɛ]/[*jɛ]: **ПРОШЕНІА** (мн. им.) (Л. 3

¹² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984.

¹³ Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.

¹⁴ Lunt H. G. The Bučkov Psalter // Slovo. Zagreb, 1976. № 25/26. С. 255—262.

¹⁵ Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского. С. 38—62.

(БПс)), **БЪ ИМА** (Л. 3 об. (БПс)), **ЖРѢБИА** (Л. 5 (БПс)), **АКО** (Л. 4), **ПОЛОЖИ А** (Л. 4). Буква **Ѧ** также функционирует в значении [ja], независимо от происхождения этого звука, но несколько реже: **БЪЗЪМН Ѧ** (Л. 3 об.), **ѦКО** (Л. 4 (БПс)), **ѦЗЫКЪ** (Л. 6 об. (БПс)). У 2-го писца употребляются три буквы носовых гласных — **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**, но их использование беспорядочно — как в этимологических, так и в гиперкорректных написаниях: **Ѧ Ѧ**=[*e]/[*je] — **БРЪМА** (Л. 57 об.), **НА НА** (Л. 62 об.), **ИСКЖШИНЪА** (Л. 47), **ОУТРЪНІАА** (Л. 122); **РАСТАА ѦА** (Л. 57 об.), **ѦЗЫЦИ** (Л. 67 об.), **Ѧ ОУ**=[*Q]/[*y] — **ДЪРЖАБЪ** (Л. 47 об.), **ПОУТЬМЪ** (Л. 78), **ДЪРЖАБОУ** (Л. 73 об.), **СЪТЬ** (Л. 49), **СЪЗИЖДЪТЬ** (Л. 50), **Ѧ Ѧ**=[*jQ]/[ju] — **СЛОѦ** (Л. 47), **ТОБОѦ** (Л. 49), **БЪСКОУЮ** (Л. 67 об.), **ЛЮДИИ** (Л. 39 об.), **ОТЪИЛЮЩОУ** (Л. 59), **ѦБЛЮ** (Л. 81 об.).

3) Употребление буквы **Ѧ** в значении [ja] отсутствует как у 1-го, так и у 2-го писцов Синайско-Бычковской Псалтири.

4) 1-й писец следует орфографическому правилу: **Ѧ** — в начале слова и после букв гласных звуков, **Ѧ** — после букв согласных — **ѦИА** (Л. 6 об.), **ПРЕПИТАНТЬ** (Л. 8 об.), **ПРИЗОВѦИЪ** (Л. 3 об. (БПс)), **БѦЗАКОННА** (Л. 30 об.), а 2-й писец использует **Ѧ**/Ѧ беспорядочно.

Загадка отсутствия в текстах чешского происхождения каких-либо графико-орфографических черт источника (эти тексты по своим графико-орфографическим параметрам не выделяются среди текстов, не имеющих чешских корней) тесно связана с проблемой формирования древнерусской графико-орфографической системы, которая, как мы показали, представлена в рукописях индивидуальными вариантами. И даже сам вопрос, в какой графике попали на Русь чешские письменные памятники, до сих пор остается открытым. На основании косвенных данных можно предполагать, что сазавские оригиналы были глаголическими. Приведем краткий перечень таких материалов. Литературный памятник достоверно чешского происхождения — первое житие Вячеслава или так называемая Востоковская легенда, известная в трех древнерусских кириллических рукописях¹⁶, в католических бревиариях XIV–XV в. естественно имеет глаголические списки, содержащие более ранние и неповрежденные чтения по сравнению с Востоковским. Подобные глаголические копии могли быть сделаны с чешских же глаголических оригиналов¹⁷. Древнерусские списки Востоковской легенды имеют глаголический оригинал. Об этом свидетельствуют ошибка в указании возраста Вячеслава — 18 лет вместо 13-ти, что могло быть обусловлено смешением сходных в начертании глаголических букв **Ѧ(3)** и **Ѧ(8)**¹⁸, и ошибочная дата перенесения мощей Вячеслава, указанная в Востоковской легенде, — 3-е, а не 4-е марта, что объясняется только смешением глаголической и кириллической буквенных систем цифири¹⁹. 3) Текст второго жития Вячеслава — так называемой легенды Никольского — тоже является списком с глаголического оригинала, что установлено Й. Вашицей²⁰. Так, в древнерусских списках памятников чешского происхождения — двух житиях князя Вячеслава — сохранились косвенные свидетельства того, что их чешские оригиналы были глаголическими.

Исследованные же нами рукописи XI в. Архангельское Евангелие 1092 г., Сент. и Окт. Минеи 1095–1096 г., также имеющие текстологически очевидные чешские интерполяци, не обнаруживают практически никаких признаков того, что их оригиналы восходят к глаголице. И лишь третья датированная Служебная Минея XI в. — Минея 1097 г.

¹⁶ Турилов А. А. Новый список Востоковской легенды // *Litterae slavicae medii Aevi, Fransisco Venseslao Mareš sexagenarie oblatae*. München, 1985.

¹⁷ Кралик О. «Повесть временных лет» и легенды Кристиана.

¹⁸ Novotný J. České dejiny. Praha, 1912. D. 1. Č. 1.

¹⁹ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности.

²⁰ Vařsa J. Druhá staroslověnska legenda o sv. Václavu // *Sborník staroslověnských literárných památek o sv. Václavu a sv. Ludmíle*. Praha, 1929.

на ноябрь, входящая в тот же комплект Новгородских Служебных Миней, дает основания для предположений о ее глаголических истоках.

Графико-орфографических примет глаголического протографа в тексте Ноябрьск. Миней 1097 г. всего три: 1) четыре случая употребления глаголической графемы **Д(ѣ)** в значении [ja], причем только в заголовках стихир, которые обычно в наименьшей степени подвергаются исправлению: **ѣХОЖЕННА** (Л. 109 об.), **БЖИНА** (Л. 117 об.), **ХОЖЕННА** (Л. 117 об.), **ТѢД** (Л. 121). 2) Употребление графемы **А** в значении [*jɛ] на компактном пространстве текста — (Л. 108—174). Из 476 подобных случаев, встретившихся в рукописи, 422 приходится на эти листы. 3) На наш взгляд, глаголический протограф отражают ошибочные написания **Ѡ** в значении **ѣ**, возможные лишь в результате неправильной транслитерации буквы **Ѡ(ѣ)**, которая в графике угловатой глаголицы сходна с буквой **Ѡ(Ѡ)**. В Ноябрьской Минее всего 7 ошибочных написаний **Ѡ** вместо **ѣ**: **БѠПЛѢТЪНОИИ** (Л. 14), **БОЛѢЗНЬНОУХЪ** (Л. 9), **ДѠХЪНОУХЪ** (Л. 168), **БРѢДЪНОИИ** (Л. 26), кроме того в рукописи имеют место 20 исправлений таких написаний **БѠСЛИБѠ** - **БѠСЛИБЪ** (Л. 67 об.), **ТЪМОѠ** - **ТЪМЪ** (Л. 4 об.), **НЕУЪСТНВОУХЪ** - **НЕУЪСТНВЪУХЪ** (Л. 4 об.). Здесь же встречаются и ошибочные написания обратного вида: написания **ѣ** на месте **Ѡ**, также являющиеся результатом ошибки при прямой транслитерации с глаголицы в кириллицу: **ГРѢХЪНАѠА** (Л. 50), **ГЛѢБНЪУ** (Л. 88), **БЛѢТЪ** (Л. 85 об.). Итак, мы полагаем, есть основания считать, что Ноябрьская Миней 1097 г., написанная несколькими писцами, представляет собой транслитерированную копию глаголического оригинала.

Лишь один из перечисленных признаков — спорадические «мены» букв **ѣ** и **Ѡ**, **ѡ** и **ѣ** с одновременным исправлением этих ошибочных написаний — представлен в Сент. Минее 1095 г.: **ИЗКОЛѠНО** - **ИЗКОЛЪ** (Л. 25), **ИКОБѠ** - **ИКОБЪ** (Л. 28), **РАЗѠУМО** - **РАЗѠУМЪ** (Л. 93 об.), **МОУКО** - **МОУКЪ** (Л. 114 об.), **НѢТЪЛѢННО** - **НѢТЪЛѢНЪ** (Л. 162 об.). Мена графем **ѣ** - **Ѡ** и последующее их исправление осуществляется также в случаях, когда эти графемы входят в состав буквы **Ѣ**: **МОУКОѠ** - **МОУКЪ** (род. ед.) (Л. 11), **НѢСМЪСЛЪНОѠ** - **НѢСМЪСЛЪНЪ** (вин. мн.) (Л. 14 об.), **БЛѢНОѠ** - **БЛѢНЪ** (эв. ед.) (Л. 24), **БАВУЛОѠ** - **БАВУЛЪ** (род. ед.) (Л. 26 об.). В этом же тексте отмечены мена **ѡ** - **ѣ** с последующим исправлением ошибки: **ЗАКОНЪПРЕСТОУПѠНЪ** - **ЗАКОНЪПРЕСТОУПЪНЪ** (Л. 19), **ПАУѠКЪСТЪВЪНЪИМЪ** - **ПАУѠКЪСТЪВЪНЪИМЪ** (Л. 45 об.), или вовсе неисправленные: **КОБѠУГЪ** (= **КОБЪУГЪ**) (Л. 84).

Эти написания уже получили лингвистическое объяснение. Б. А. Успенский полагает, что они являются отражением на письме «книжного произношения еров как [o] и [e]»²¹. Данные факты известны лишь в нескольких рукописях конца XI — нач. XII в. (Служебные Миней 1095—97 г., Стихирари XII в. РГАДА. Ф. 381. № 152, ГИМ. Син. 279, ГИМ. Син. 589, Служебные Миней XII в. ГИМ. Син. 160, 161, 162. Мы добавим в этот список Синайско-Бычковскую Псалтирь.), легли в основание мнения Б. А. Успенского о том, что «различение букв **ѣ** - **Ѡ**, **ѡ** - **ѣ** на письме имело чисто орфографическую значимость», что «книжное произношение **ѣ** как [o], **ѡ** как [e] было противопоставлено живому разговорному произношению, где различались рефлексy *ъ и *o, *ь и *e, а отражение книжного произношения на письме противоречило орфографической норме»²². Такое представление о совпадении церковнославянской орфографии с живым древнерусским произношением и их обоюдное противопоставление книжному произношению, на наш взгляд, противоречит даже здравому смыслу. Согласно этой теории, книжник писал текст рукописи так, как произносил его по-древнерусски, а читал этот текст совершенно особенным образом, не так как писал или проговаривал про себя в процессе письма. К тому же не ясно, как эта теория объясняет факты ошибочных написаний **Ѡ** вместо **ѣ**, здесь ссылка на книжное произношение

²¹ Успенский Б. А. Русское книжное произношение XI—XII в. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С. 109.

²² Там же. С. 102.

была бы и вовсе не уместна. К тому же при повсеместном распространении на Руси «книжного произношения» такого рода явление мена $\mathfrak{Z} - \mathfrak{O}, \mathfrak{B} - \mathfrak{E}$ должно было быть частотно и отражено в подавляющем большинстве рукописных книг XI–XII в., в то время как оно имеет место только в некоторых памятниках, у которых выявлен или предполагается близко отстоящий от списка глаголический протограф.

Мы уже предлагали свою — графическую интерпретацию данного явления. Эта интерпретация основана на том, что в графике угловатой глаголицы графемы \mathfrak{Z} и \mathfrak{B} (зачастую в лигатурном изображении, когда коромысло буквы \mathfrak{B} вписано в предшествующую букву) не всегда четко различались в строке и при списывании текста или его прочтении возникали ошибки, чаще всего исправляемые писцом, вникавшим в смысл текста. Комплекс неисправленных и исправленных ошибок такого рода наряду с другими графико-орфографическими и палеографическими признаками реликтов глаголицы позволил нам с уверенностью высказать мысль о восхождении к глаголическим протографам целой группы древнерусских памятников²³. Но в рассматриваемых здесь рукописях — Новгородских Служебных Минеех реликтов глаголицы практически нет, и мена $\mathfrak{Z} - \mathfrak{O}, \mathfrak{B} - \mathfrak{E}$, например, в Сентябрьской Минее 1095 г. чуть не единственный орфографический показатель ее глаголического протографа. Удовлетворительное объяснение данному факту можно предложить, если допустить, что глаголический оригинал текста Миней находился не перед глазами писца, а диктовался ему книжником, умевшим читать глаголицу, что, как нам представляется, являлось редким умением в конце XI в.

Диктовка, а не списывание глаголического текста была удобна сразу по нескольким причинам. Книжник-чтец «озвучивал» написанное глаголицей, и потому из процесса создания памятника был исключен этап сложной побуквенной транслитерации текста на кириллицу, что значительно ускоряло работу книжника-писца. Чтение глаголического текста вслух позволяло также записывать его одновременно нескольким писцам, и это многократно увеличивало книжную продукцию скриптория. Естественно при этом, что все возможные графико-орфографические особенности глаголического оригинала: три буквы носовых гласных, мена букв редуцированных, употребление \mathfrak{b} в функции [ja], отсутствие йотированных букв гласных, не находили отражения в записываемом под диктовку древнерусском тексте. Но книжник-чтец при диктовке мог допускать неверные чтения, смешивая буквы \mathfrak{Z} и \mathfrak{B} , особенно в лигатурах, которые сам тут же и исправлял, вникая в смысл текста, такие ошибки и их моментальное исправление при диктовке повторяли и писцы.

Гипотеза о надиктовывании глаголического текста книжником-чтецом для целой артели книжников-писцов объясняет не только появление этих загадочных ошибок, не только причины отсутствия всяких иных следов глаголицы в памятниках чешского происхождения, попавших на Русь в последней четверти XI в. **Принцип диктовки в работе писцов объясняет существование индивидуальных особенностей графико-орфографических систем у писцов одной и той же рукописи** (как в Архангельском Евангелии и Синайско-Бычковской Псалтири), у мастеров одной и той же артели (как в Служебных Минеех 1095–97 г.): каждый из переписчиков книг записывал текст под диктовку сообразно с теми представлениями о правописании, которые были у него на этот период времени. Эти представления могли меняться, тогда графика и орфография писца претерпевала изменения (как в случае с рукописями Сент. и Окт. Миней 1095–1096 г.), которые писец Домка написал по-разному в течение двух лет. Мы предполагаем, что **принцип диктовки был распространен в скрипториях обиходного книгописания не только для глаголических оригиналов богослужебных книг, но и для кириллических книг богослужебного обихода, поскольку артельный метод в условиях диктовки ускорял книгопроизводство.**

²³ Миронова Т. А. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI в.

В Архангельском Евангелии находим тому множество доказательных фактов. Текст Архангельского Евангелия (1-го и 2-го писцов) изобилует ошибками, которые можно мотивировать только неправильным восприятием текста писцом на слух. Ошибки слуха классифицируются обычно в несколько типов: это пропуски слогов (обычно заударных), которые по контрасту с ударными слогами могут ускользнуть от внимания писца, записывающего текст под диктовку: **ПОСЛОУЮТЬ** (Л. 53) вместо **ПОСЛОУШАЮТЬ**, **НАСТАБЬУЕ** (Л. 54) вместо **НАСТАВННУЕ**, **ПОУСТИ** (Л. 105) вместо **ПОУСТИТИ**, **ОУТАЛЪ** (Л. 134) вместо **ОУТАИЛЪ**, **ДЕТЕ** (Л. 137) вместо **ДЕСАТЕ**, **БРА ТВОИГО** (Л. 172) вместо **БРАТА ТВОИГО**. Диктовкой обусловлены и своего рода «недослышки» писцов, пропускающих согласные в приставках и суффиксах: **БЪХУТЬ** (Л. 77 об.) вместо **БЪХУТЬ**, **БЪГЛАСИ** (Л. 78) вместо **БЪЗГЛАСИ**, **ОБРЪТОТА** (Л. 90) вместо **ОБРЪТОСТА**, **ОУЖАШЕ** (Л. 157) вместо **ОТЪЖАШЕ**, **БЪДБИГНОУТИ** (Л. 149) вместо **БЪЗДБИГНОУТИ**. Благодаря диктовке рукопись Архангельского Евангелия содержит много повторно написанных слов: **ЛЪЖА** (Л. 93), **БЪЗЪМН** (Л. 105 об.), **ИГО** (Л. 101 об.), **ЖЕ** (Л. 109) и др., потому что повторение слов чтецом при надиктовывании неизбежно, и ослабивший внимание писец мог следовать за чтецом и в повторах. Восприятием текста на слух объясняются многочисленные случаи неправильного понимания слов, услышанных писцом: **ТАКО ДЪВНТЬ** (Л. 29) вместо **ТАКО ОДЪВНТЬ**, **ДОНДЕ ЖЕ** (Л. 14 об.) вместо **ДОНДЕЖЕ**, **УЮЩЕМЪ ИЗБАВЛННН** (Л. 157) вместо **УАЮЩЕМЪ**, **ПОМАНАХОУ** (Л. 167) вместо **ПОМАБАХОУ**, **ИНО СТРОКННН** (Л. 73 об.) вместо **И НЕСТРОКННН**, **СЪКОНЪУАНТИ СА** (Л. 92) вместо **СЪКОНЪУАТИ СА**, **ЦЕЛОВАННН НА ТЪРЖИЩН НУЪ** (Л. 70) вместо **НА ТЪРЖИЩНУЪ**, **САМОН ИДОУЩЮ ПРОИДЕТЬ** (Л. 157) вместо **САМОН ДОУЩЮ ПРОИДЕТЬ**.

Ошибки подобного рода, связанные с неправильным членением фраз, с подменой одного слова другим, отчасти сходным в звучании, могли быть обусловлены только восприятием текста на слух. Ряд искаженных чтений в Архангельском исправлен, смысл их восстановлен. К примеру, слово **ИСТИНЪНЪИ** исправлено на **ИСТИНЪНЪ** и (Л. 129 об.), это очевидное исправление слуховой ошибки, слово **ИЕРЕМЕН** выскоблено и вслед записано **ИЕРЕМИЮ** (Л. 109). В качестве слуховых ошибок отметим также неправильное восприятие и запись иноязычных слов: **ТИЛО** (Л. 129) вместо **ТИТЛОУ**, **КОСТОДИЮ** (Л. 121) вместо **КОУСТОДИЮ**, **ПРЕТРОРЪ** (Л. 101 об.) вместо **ПРЕТОРЪ**. Мы намеренно выписали большое количество примеров ошибок, которые, с нашей точки зрения, убеждают в том, что писцы Архангельского Евангелия создавали свои тексты под диктовку, чем обусловлены не только массовые и типичные ошибки слуха, но и отсутствие в тексте Евангелия реликтов старославянских графико-орфографических систем. В то же время графико-орфографические системы, которые реализованы в обеих частях Архангельского, в значительной степени индивидуальны, т.е. в них воплощены самостоятельные представления писцов о современном им книжном правописании.

Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что в конце XI в. в скрипториях массового производства книг Древней Руси сформировалась **установка на критическое отношение к графико-орфографическим системам старославянских оригиналов (почему и стала возможной диктовка текстов, а не списывание их)**, именно тогда обозначилась тенденция преобразования графико-орфографических систем старославянского юсового письма в древнерусские одноюсовые графико-орфографические системы.

Для преобразованной графико-орфографической системы такого типа характерны следующие признаки: 1) двуеровое письмо с полным отсутствием старославянской «мены еров», пропуском букв слабых редуцированных в корневых морфемах, с древнерусским написанием сочетаний редуцированного с плавным типа *ьрт*; 2) одноюсовое письмо с дистрибутивным употреблением букв **Ѧ** и **Ѧ**; 3) исправление всех реликтовых написаний с **Ѣ** в значении [ja]; 4) употребление **н**, **ѣ**

по орфографическому правилу: **к** — в начале слова, после гласных; **ѣ** — после согласных. При этом 2-й и 4-й признаки имели у писцов индивидуальные особенности.

О том, что и Синайско-Бычковская Псалтирь записывалась писцами под диктовку, свидетельствуют многочисленные «ошибки слуха» в этой рукописи как у 1-го, так и у 2-го писцов²⁴. Среди этих ошибок есть случаи неправильного членения или восприятия текста: **лѣсто бѣселнѣа** (Л. 1 (БПс)) вместо **лѣсто бѣселннѣа**, **раждѣннѣ** (Л. 6 (БПс)) вместо **гаждѣннѣ**, **отъ бѣ** (Л. 42) вместо **моантѣ бѣ**, **облищаша** (Л. 9 об.) вместо **обнищаша**, **припадѣ нмоу** (Л. 84 об.) вместо **припадѣмъ нмоу**, **бѣ локитѣж зѣубъ монхъ** (Л. 119) вместо **бѣ локитѣж зѣубомъ нхъ**, **бѣ трѣбахъ** (Л. 87 об.) вместо **бѣ трѣубахъ**. Есть в этом памятнике и простые «ослышки»: **обрадѣть** (Л. 31) вместо **обратѣть**. Часто ошибки слуха затем исправлены самим писцом, **ѣ** правится в **ѣ**: **бѣстанѣть** (Л. 84), **бѣ срдци** (Л. 84), **ѣ** появляется на месте неправильно записанной **ѣ**: **зѣло** изменяется в **зѣло** (Л. 83), **прибѣжищѣ** исправляется на **прибѣжищѣ** (Л. 94). О восприятии текста Псалтири «на слух» говорит и вариантное написание на одном и том же листе слова, неизвестного писцу: **олокактѣлатѣ** и **олкактѣлатѣ** («всесожжения») (Л. 31 об.).

Итак, на вопрос о том, как формировалась древнерусская система одноюсовой графики и орфографии, мы можем дать ответ на основании сопоставления текстов с такими системами, восходящими как к чешским глаголическим оригиналам (в случае Служ. Миней и Архангельского Евангелия 2-го почерка), так и к текстам кирилловским (в случае Архангельского Евангелия 1-го писца). Писцы этих книг переписывали текст, не имея оригинала перед глазами, в книгописных мастерских по созданию обиходных богослужебных книг писцы работали артельно под диктовку чтеца. В случае, если текст оригинала являлся глаголическим, его надиктовывание было необходимо, потому что, во-первых, это значительно ускоряло работу мастеров, во-вторых, владение глаголицей в последней четверти XI в. было на Руси довольно редким умением. Но если к диктовке вновь появлявшихся на Руси глаголических текстов вынуждала «технологическая» необходимость, то массовое воспроизведение уже бытовавших здесь кириллических богослужебных текстов под диктовку чтеца являлось, вероятно, удобным способом многократного ускорения процесса книгопроизводства, причем таким вот образом записывались только хорошо знакомые писцам тексты богослужебного обихода — Евангелие, Псалтирь, постоянно бывшие «на слуху» у переписчиков книг.

²⁴ Кривко Р. Н. Бычковско-Синайская Псалтирь как источник по истории русского языка. АКД. М., 1998. С. 13.